

А.А. Кайряк, М.С. Генслер

**Ликвидационное законодательство 1915–1917 гг. в
Петроградской губернии: правовые рамки и экономические
последствия «борьбы с немецким засильем»**

A.A. Kairiak, M.S. Gensler

**Liquidation Laws of 1915–1917 in the Petrograd Governorate:
Legal Framework and Economic Consequences of the “Campaign
against German Influence”**

Изучение внутренней политики Российской империи в годы Первой мировой войны, в частности кампании по «борьбе с немецким засильем», давно является значимым направлением отечественной историографии. Этот комплекс мер, включивший в себя депортации, ликвидацию собственности, административные и идеологические репрессии, представляет собой уникальный пример трансформации государственного управления в условиях войны, ксенофобии и нарастающего кризиса.

Историография проблемы прошла несколько этапов. Первые оценки появились еще в ходе самих событий. В 1916 г. вышла работа К.Э. Линдемманна¹, содержащая экономический анализ последствий ликвидационных законов для землевладения на юге России. В советский период, несмотря на идеологический пресс, был заложен фундамент научного изучения темы. Значительным вкладом стала статья В.С. Дякина², в которой впервые в советской историографии был детально рассмотрен процесс разработки и применения «ликвидационных законов» как элемента общегосударственной политики. Исследование М.Ф. Флоринского³ осветило роль Совета министров и кризис государственного управления военного времени.

Подлинный расцвет историографии наступил в 1990–2000-е гг. Были защищены диссертации И.Г. Соболева⁴ и А.Н. Шубиной⁵, в которых комплексно анализировались причины, ход и последствия кампании, ее восприятие обществом и властью. С.Г. Нелипович исследовал депортационную политику и проблему лояльности российских немцев, указав на формирование в военно-бюрократических кругах еще до 1914 г. концепции «внутреннего врага»⁶. Важные аспекты региональной специфики ликвидационных мер рассмотрены в работах О.В. Ерохиной⁷ (Область Войска Донского), Т.Н. Плехотнюк⁸ (Северный Кавказ), Т.А. Кижасовой⁹ (Сибирь).

Ряд работ специально посвящены положению немцев в столичном регионе. Работа В.Н. Шайдунова¹⁰ затрагивает проблему адаптации немецкого предпринимательства в Петрограде в условиях смены политических режимов. Исследование О.В. Ерохиной и В. Н. Шайдунова¹¹, а также совместная статья В.Н. Захарова и О.В. Ерохиной¹² детально анализируют административные практики и карательные меры в отношении немецкого населения Петроградской губернии в военные годы, а также влияние ликвидационной компании на идентичность и восприятие происходящих внешне- и внутреннеполитических событий немцами – субъектами петроградской хозяйственной структуры. Однако эти ценные исследования сосредоточены преимущественно на социально-политических и административных аспектах.

В современной историографии государственного регулирования экономики России периода Первой мировой войны необходимо выделить работу И. В. Поткиной «В преддверии катастрофы»¹³, методологическая новизна которой связана с анализом законодательных актов как серийного (массового) источника. Такой подход позволил автору выявить и систематизировать 65 нормативно-правовых актов, регулирующих положение неприятельских подданных и их собственности, что существенно расширило представление о масштабах и логике ликвидационной политики.

Следует отметить, что исследователи сходятся во мнении, что репрессивная политика имела глубокие предпосылки, связанные с курсом на «национализацию империи» и страхами правящих кругов. Ее реализация была противоречивой и во многом декоративной. В конечном счете, она нанесла колоссальный экономический и моральный ущерб как немецкому меньшинству, так и стране в целом, усугубив кризис 1917 г.¹⁴ Вместе с тем, как справедливо отмечают исследователи, изучение темы остается фрагментарным, слабо исследована реакция самих российских немцев, недостаточно изучены механизмы реализации законов на местном уровне.

Именно этот пробел определяет научную новизну настоящего исследования. В то время как общероссийские рамки ликвидационного законодательства и его идеологические основы в целом ясны, механизм его практического применения в конкретном регионе, особенно в стратегически важной столичной Петроградской губернии, изучен недостаточно. Настоящая работа ставит своей целью выявить алгоритмы взаимодействия между центральными и губернскими учреждениями, проанализировать, каким образом на практике разрешалось ключевое противоречие между требованием форсированной ликвидации и необходимостью сохранения экономической жизни, а также исследовать стратегии адаптации и реакции на эти

меры со стороны местных деловых кругов и непосредственно затронутых категорий населения – колонистов, предпринимателей и служащих.

Источниковая база исследования включает комплекс архивных документов из фондов РГИА и ЦГИА СПб. В него входят материалы Совета Министров, Государственной думы, министерств, Петроградского губернского правления и казённой палаты, а также делопроизводственные материалы по надзору, ликвидации предприятий и прошения лиц, затронутых этими мерами. Особое значение в рамках настоящего исследования имеют списки фабрично-заводских заведений г. Санкт-Петербурга – Петрограда, опубликованные в 1914¹⁵ и 1918¹⁶ гг., анализ которых позволил выявить совокупность предприятий, подпавших под воздействие ликвидационной политики, и реконструировать её общие масштабы и структурные последствия для промышленного комплекса столицы.

Период Первой мировой войны стал для Российской империи временем глубокой внутренней трансформации, сопровождавшейся усилением государственного вмешательства во все сферы жизни общества. Одним из наиболее ярких и противоречивых проявлений этой политики стала масштабная кампания по «борьбе с немецким засильем», развернувшаяся с 1914 г. Её ядром стало так называемое ликвидационное законодательство 1915–1917 гг. – комплекс чрезвычайных административных и правовых мер, направленных на ограничение прав, изъятие собственности и пресечение экономической деятельности подданных враждебных государств, прежде всего германских и австро-венгерских, а также лиц, заподозренных в связях с ними.

Законодательная кампания не возникла на пустом месте, а стала логическим развитием атмосферы военного времени.

Анализ архивных дел, предшествовавших 1915 г., демонстрирует, как формировался репрессивный алгоритм. Так, дело о высылке служащих Шлиссельбургского порохового завода выявляет чёткую бюрократическую цепочку: инициатива исходила от военного командования Петроградского округа, за ней следовало предписание губернатора, которое исполнялось полицией и жандармерией¹⁷. Критерии «неблагонадежности» были крайне широки, сводясь к иностранному подданству или «нерусской» фамилии. Аналогично, дело о расследовании доноса на немцев, проживавших на даче Андреевой, показывает скорость и эффективность работы этого механизма: сигнал рядового гражданина в считанные дни прошёл путь от местного жандармского управления до Генерального штаба и

обратно к уездному исправнику с приказом о «строжайшем расследовании»¹⁸. Эти прецеденты создали инфраструктуру и правоприменительную практику, которые в 1915 г. были масштабированы до уровня общегосударственной политики, опирающейся уже не только на административные распоряжения, но и на формальное законодательство.

28 июля 1914 г. – в день, когда Австро-Венгрия объявила войну Сербии, в Петербурге, который еще не был переименован, был издан Указ «О правилах, коими Россия будет руководствоваться во время войны»¹⁹, который отменял все возможные льготы для подданных враждебных государств.

Следующий шаг был сделан в ноябре. С неприятельскими государствами были ограничены все денежные транзакции и пересылка ценностей²⁰.

Но по-настоящему радикальные меры были предприняты законодателем в 1915 г. Закон, от 11 января 1915 г.²¹ запретил выдачу новых промысловых свидетельств неприятельским подданным и предписал ликвидацию их торговых предприятий.

2 февраля 1915 г. Совет министров, воспользовавшись перерывом в работе законодательных палат, провёл в порядке 87-й статьи Основных государственных законов три закона, направленные на ограничение немецкого землевладения в Российской империи²². Эти акты заложили правовой фундамент ликвидационной политики в аграрной сфере и существенно расширили практику чрезвычайного законодательства военного времени.

Первый закон – «О землевладении и землепользовании подданных государств, воюющих с Россией» – предусматривал полное прекращение прав на землю подданных Германии, Австро-Венгрии и Османской империи на всей территории страны. Им запрещалось впредь приобретать или арендовать недвижимость, а уже принадлежавшие им земельные владения подлежали добровольному отчуждению в шестимесячный срок со дня опубликования списков. В случае невыполнения этого требования имущество подлежало продаже с публичных торгов; все договоры аренды должны были быть прекращены не позднее 2 февраля 1916 г.²³.

Второй закон был направлен на принудительное прекращение землевладения и землепользования немецких выходцев – российских подданных – в приграничных районах. Им устанавливался особый пограничный пояс, включавший 150-верстную полосу вдоль западной границы империи, а также 100-верстную полосу в Финляндии, Прибалтийских губерниях, на побережьях Чёрного и Азовского морей (включая Крым) и в Закавказье. Для добровольного отчуждения земли отводились различные сроки: десять меся-

цев в 150-верстной полосе и шестнадцать месяцев – в 100-верстной. Закон распространялся на членов сельских обществ (колонистов), а также на лиц, принявших российское подданство после 1 января 1880 г. При этом он не затрагивал надельные земли, дарованные верховной властью, и не применялся к лицам православного исповедания, славянского происхождения, а также к семьям офицеров и добровольцев, служивших в армии²⁴.

Третий закон имел целью прекратить дальнейшее расширение землевладения немецких поселенцев по всей территории империи. Членам сельских обществ и лицам с крестьянским образом жизни запрещалось впредь приобретать и арендовать земельные участки и жилые строения вне городов. Вместе с тем немцы, не принадлежавшие к сельским обществам (купцы, мещане и другие категории), а также лица, сохранившие российское подданство до 1880 г., сохраняли право на покупку и аренду недвижимости²⁵.

Постановление Совета министров от 10 мая 1915 г. «О ликвидации торговых предприятий, принадлежащих неприятельским подданным»²⁶ было принято в развитие и дополнение закона от 11 января 1915 г. и стало одним из ключевых элементов ликвидационной политики в торгово-промышленной сфере.

Постановление детально регламентировало порядок ликвидации торговых заведений с учётом их организационно-правовых форм. Закрытие акционерных обществ возлагалось либо на ответственного агента, если он являлся российским подданным, либо – по взаимному соглашению – на одного или трёх акционеров из числа граждан союзных или нейтральных государств. Аналогичный подход применялся и к товариществам – как полным, так и на вере. В отношении предприятий, основанных на праве общей собственности, ликвидация осуществлялась с участием владельца – неприятельского подданного – совместно с одним или несколькими партнёрами, являвшимися гражданами союзных или нейтральных стран. Существенное внимание уделялось защите интересов кредиторов: для предъявления требований устанавливались специальные сроки, первоначально в два месяца со дня опубликования объявления о вызове кредиторов, позднее продлённые до шести месяцев. Общий контроль за прекращением коммерческой деятельности возлагался на Министерства финансов, торговли и промышленности, а на проведение ликвидационных мероприятий в целом отводился один год с момента опубликования в «Сенатских ведомостях» объявлений о назначении ликвидаторов.

В тот же день было принято и иное постановление Совета министров, дополнявшее систему ликвидационных мер и затрагивавшее финансово-кредитную сферу²⁷. В соответствии с ним непри-

ягельские подданные подлежали исключению из состава членов обществ взаимного кредита и городских кредитных обществ и не допускались к участию в них в дальнейшем. При этом их долговые обязательства подлежали погашению на общих основаниях, в строгом соответствии с действующими уставами, без предоставления каких-либо дополнительных льгот или отсрочек. Действие данных ограничений не распространялось на подданных враждебных государств славянского, французского и итальянского происхождения, а также на турок христианского вероисповедания. Одновременно нормативный акт предусматривал возможность индивидуального смягчения рестрикций: министру финансов предоставлялось право в исключительных и обоснованных случаях отменять установленные ограничения по соответствующим ходатайствам.

Использование чрезвычайного права принятия закона в порядке 87 статьи позволяло правительству действовать быстро, но делало эти акты предметом последующего утверждения в Государственной думе, что вскрывало их внутренние противоречия. Анализ думского делопроизводства за 1916 г. показывает, что законы изначально содержали системные изъяны, порожденные конфликтом политической цели и экономической реальности. Во-первых, они не защищали интересов русских подданных – совладельцев и кредиторов ликвидируемых фирм, что вело к разорению лояльных граждан. Во-вторых, жесткие нормы, не допускавшие продолжения деятельности, угрожали остановке предприятий, работавших на оборону. В-третьих, отсутствие четких процедур порождало произвол на местах, в частности, в практике ареста и изъятия имущества²⁸. Таким образом, репрессивный инструмент, созданный для укрепления государства, уже на стадии замысла нёс в себе мощный дестабилизирующий потенциал.

При этом практика вмешательства государства в имущественные отношения начала складываться ещё летом 1914 г., до формального законодательного оформления жёстких ликвидационных мер, что свидетельствует о раннем формировании репрессивного правоприменительного алгоритма. Показательным является дело торгового дома «Лир и Россбаум» в Петрограде.

12 января 1899 г. петербургский ремесленник Людвиг Карлович Россбаум и прусский подданный Франц Карлович Лир заключили товарищеский договор о создании торгового дома по производству швейных и вязальных машин, а также велосипедов. Склад предприятия располагался в доме № 28 по Гороховой улице²⁹. После начала войны Франц Лир вышел из состава товарищества, продав свою долю Петроградской мещанке Елизавете Ивановне Вишняковой, которая стала полным товарищем, при сохранении прежней фирмы «Лир и Россбаум».

Несмотря на фактический выход германского подданного из предприятия ещё в июле 1914 г., фирма столкнулась с репрессивными последствиями антинемецкой политики. В октябре 1914 г. Россбаум обратился в Министерство торговли и промышленности с прошением, в котором указывал, что Учебная автомобильная рота отказалась оплатить поставленные мотоциклы, мотивируя это тем, что предприятие якобы продолжает считаться «германским». При этом в момент заключения сделки никаких правительственных запретов на приобретение имущества у германских подданных ещё не существовало, а Лир получил полное удовлетворение за проданную долю.

В прошении подчёркивалось, что отказ в оплате наносит ущерб исключительно русским подданным, приводит к острой нехватке оборотных средств, усугублённой разрывом внешнеторговых связей и отсутствием кредита со стороны иностранных поставщиков, а также ставит под угрозу существование предприятия, на котором было занято около 60 русских служащих³⁰.

Данный случай наглядно демонстрирует, что элементы фактической ликвидационной практики и дискриминационного подхода применялись ещё до нормативного закрепления соответствующей политики и нередко приводили к поражению интересов лояльных подданных и хозяйственной дезорганизации.

Столкновение жёстких норм с хозяйственной жизнью заставило власти вносить существенные коррективы, что стало наиболее ярким проявлением внутреннего конфликта политики. Эволюция законодательства в 1916 г. шла по двум ключевым направлениям.

В аграрной сфере кризис проявился с особой остротой. Записка Министра земледелия от мая 1916 г. констатировала тревожный факт: колонисты, чьи земли подлежали ликвидации, прекратили подготовку паровых полей под озимые, что грозило срывом продовольственного снабжения армии и тыла³¹. В ответ Совет Министров был вынужден издать циркуляр, гарантировавший колонистам право уборки урожая даже после перехода земли к Крестьянскому банку. Эта мера, подчеркивавшаяся как «внимание к исключительным обстоятельствам», была чисто прагматической уступкой, призванной предотвратить катастрофу, к которой вела буквальная реализация репрессивного курса.

В сфере промышленности и финансов потребовалась сложная юридическая работа по исправлению законов 1915 г. Поправки, рассмотренные Государственной думой осенью 1916 г., были направлены на смягчение наиболее разрушительных последствий. Они вводили обязательное хранение средств от продажи имущества в Государственном банке для защиты кредиторов, разрешали

выплаты на личные нужды русским совладельцам и, что наиболее показательно, запрещали ликвидацию предприятий, выполнявших оборонные заказы, до завершения этих работ³². Эти коррективы свидетельствовали о признании властью того, что тотальная «борьба с засильем» невозможна без ущерба для военно-промышленного потенциала страны. Однако, той же осенью 1916 года Совет министров принял закон «О воспреещении торговли с неприятельскими и некоторыми нейтральными фирмами»³³. В соответствии с ним российским физическим лицам, торгово-промышленным товариществам и акционерным обществам запрещалось вступать в договорные и иные коммерческие отношения с подданными и акционерными обществами враждебных государств, а также с лицами и компаниями, включёнными в особый список иностранных фирм. Закон предусматривал формирование общероссийского реестра физических и юридических лиц *non grata*, осуществлявших хозяйственную деятельность во враждебных и ряде нейтральных стран. Подготовка перечня возлагалась на Министерство торговли и промышленности, в части страховых обществ он согласовывался с МВД, а кредитных учреждений – с Министерством финансов, после чего утверждался Советом министров³⁴.

Таким образом, к концу 1916 г. ликвидационное законодательство представляло собой сложный и противоречивый правовой комплекс. С одной стороны, оно сохраняло свою идеологическую направленность и репрессивный потенциал. С другой стороны, было опутано многочисленными изъятиями, гарантиями и процессуальными оговорками, призванными сдержать его собственное разрушительное действие. Эта изначальная двойственность – конфликт между политической волей к «очищению» и экономической необходимостью выживания – предопределила характер и остроту проблем, с которыми столкнулась администрация Петроградской губернии при практической реализации данного курса.

Реализация сложных и противоречивых ликвидационных законов потребовала создания разветвлённой системы управления. В Петроградской губернии она работала особенно активно, поскольку здесь пересекались интересы военных, государственных и местных властей. Через эту систему законодательные нормы находили практическое воплощение, определяя жизнь населения и деятельность хозяйствующих субъектов.

Реализация репрессивного курса в прифронтовой губернии изначально находилась под двойным контролем: военного командования и гражданской администрации. Инициатива часто исходила от Главного начальника Петроградского военного округа, чьи распоряжения об «очистке» стратегических объектов и территорий были

обязательны для губернатора. Петроградский губернатор, в свою очередь, выступал ключевой фигурой, транслирующей эти требования в виде обязательных предписаний уездным властям и одновременно отчитывающейся перед центральными министерствами³⁵. Такое разделение функций обеспечивало оперативность, но также создавало почву для конфликтов компетенций. Губернское правление становилось рабочим органом, где рассматривались конкретные дела о ликвидации земель, жалобы колонистов и запросы с мест. Его решения, как видно из дела о колонистах селения Овцыно, могли носить формально-бюрократический характер, но иногда, под давлением обстоятельств (например, гибели членов семьи на фронте), пересматривались в пользу просителей³⁶. Таким образом, на губернском уровне происходило первичное столкновение репрессивной директивы с необходимостью правового и даже гуманного обоснования принимаемых мер.

Важнейшим инструментом давления на торгово-промышленные круги и сбора информации стал фискальный аппарат. Петроградская казённая палата выполняла функции централизованного реестра «неблагонадёжных» предприятий. Её циркуляр от 12 марта 1915 г. обязывал все акционерные общества и торговые фирмы представить подробные именные списки служащих с указанием подданства, создавая тем самым первичную базу данных для последующих чисток³⁷. Палата активно взаимодействовала с силовыми и военными ведомствами, по запросам которых (например, от Главного артиллерийского управления) предоставляла справки о составе правления и акционеров конкретных компаний. Этот механизм административного учёта вынуждал предприятия заблаговременно исключать из своего состава нежелательных лиц. Как показывают документы, в правлениях обществ, подобных «Всеобщей компании электричества», происходило исключение германских подданных, а акции перераспределялись в пользу русских или нейтральных владельцев³⁸. Таким образом, казённая палата, не принимая прямых карательных решений, создавала среду тотальной подотчетности, вынуждая бизнес к демонстративной лояльности и внутренней реструктуризации.

На уровне уездов, городов и волостей законодательство обрело свою окончательную, часто жестокую конкретику. Полицейские и жандармские управления отвечали за физическое исполнение предписаний о высылке, надзоре и аресте имущества. Земские начальники и городские управы становились ключевыми исполнителями в аграрной сфере, проводя опись и изъятие земель колонистов. Однако этот низовой уровень отличался не только исполнительской дисциплиной, но и значительным произволом, вызванным нечётко-

стью законов. Документы фиксируют, как местные власти по своему усмотрению трактовали процедуры, налагая арест на имущество и парализуя работу предприятий даже без формального решения о ликвидации³⁹. При этом местные органы не были пассивными исполнителями. Как показывает ходатайство Колпинской городской управы от июня 1916 г., они могли выступать активными бенефициарами политики, стремясь приобрести конфискованные земли немецких колонистов для городских нужд⁴⁰. Это свидетельствует о том, что борьба с «засильем» на местах воспринималась не только как патриотический долг, но и как возможность решения местных хозяйственных проблем за счёт имущества «внутренних врагов».

Между различными ведомствами, участвовавшими в реализации курса, существовали серьёзные разногласия, вызванные различием их целей. Наиболее показателен конфликт между курсом на жёсткую ликвидацию и необходимостью сохранить сельскохозяйственное производство. Как отмечалось, Министерство земледелия било тревогу в 1916 г. указывая Совету Министров на катастрофические последствия прекращения полевых работ⁴¹. Это заставляло губернскую администрацию отступать от общего жёсткого курса и гарантировать колонистам право уборки урожая. Аналогично, необходимость бесперебойного выполнения военных заказов заставляла власти закрывать глаза на формальное сохранение «вражеского» капитала в переформатированных акционерных обществах, таких как завод «Карл Винклер»⁴². Эта интеграция в военно-промышленный комплекс стала главным аргументом в пользу её сохранения. Власти, с одной стороны, получали от инспекторов отчёты о сохраняющемся «вражеском» элементе в капитале, но с другой – не могли игнорировать работоспособное предприятие, выполняющее оборонные задачи. Таким образом, на практике система управления была вынуждена отклоняться от прямых предписаний центра под давлением экономической и военной необходимости.

Институциональный механизм реализации ликвидационного законодательства в Петроградской губернии представлял собой сложный аппарат, где взаимодействовали различные ведомства и уровни власти. Его формальная эффективность в исполнении решений сочеталась с внутренними противоречиями, вызванными нечёткостью законов и конфликтом интересов. Этот механизм не просто выполнял предписания, но и трансформировал их, отражая борьбу между политической волей, местными интересами и хозяйственной необходимостью.

Перейдем к ключевому вопросу о непосредственном воздействии ликвидационного законодательства и работы институционального механизма на экономику и социальную жизнь Петроград-

ской губернии. Последствия развивались по трем основным направлениям: деформация промышленно-торгового сектора, кризис в сельском хозяйстве и формирование специфических стратегий выживания у затронутых групп населения.

Реализация репрессивных мер поставила предприятия с иностранным участием перед выбором: формальная ликвидация или изменение своей структуры и деятельности. Ярким примером успешной адаптации стало Акционерное общество завода «Карл Винклер». Предприятие, изначально контролировавшееся баварскими подданными, к 1915–1916 гг. провело комплексную операцию по внешней «русификации». Из состава правления были выведены германские подданные, ключевые управленческие посты заняли русские граждане, а в официальной переписке компания настойчиво подчеркивала, что является «совершенно самостоятельным русским предприятием»⁴³. Однако, как показывают списки акционеров, реальное перераспределение собственности было частичным: пакеты баварских подданных Винклеров и шведского подданного Р.Л. Нобеля остались в значительной степени нетронутыми. Решающим фактором выживания стала не фиктивная смена вывески, а полная переориентация на выполнение военных заказов (производство гаечных ключей для строящихся миноносцев, частей якорей для крепления мин, оцинкованные блоки для армейских палаток и т.д.)⁴⁴. Этот прагматический расчет оправдался: власть, нуждавшаяся в продукции, закрывала глаза на формальные несоответствия, предпочитая хозяйственную пользу идеологической чистоте.

Аналогичные процессы, хотя и с разной степенью успеха, проходили в других секторах. Петроградская казенная палата фиксировала массовое предоставление компаниями обновленных списков служащих и акционеров, из которых исчезали подданные враждебных государств⁴⁵. Однако для небольших торговых и ремесленных заведений, лишенных стратегического значения и ресурсов, административное и экономическое давление часто оказывалось фатальным. Дело булочной и пекарни Альбрандта Теофила Германовича служит примером такого краха: наложение правительственного надзора в январе 1916 г., связанное с германским подданством владельца, привело к объявленной «бездоходности» предприятия, а к маю 1917 г. оно окончательно остановилось из-за отсутствия сырья⁴⁶. Таким образом, воздействие репрессивных мер различалось: крупные и значимые для обороны производства находили способы адаптации, тогда как небольшие предприятия, попавшие под подозрение, быстро становились жертвой бюрократического и экономического прессы.

Наиболее острые противоречия ликвидационной политики проявились в аграрной сфере Петроградской губернии. Меры по изъятию земель у колонистов, многие из которых были потомственными хозяевами, привели к немедленному хозяйственному кризису. Ключевой проблемой стало то, что колонисты, лишённые уверенности в будущем, стали сокращать сельскохозяйственные работы на подлежащих отчуждению угодьях. Как отмечалось в записке Министра земледелия от мая 1916 г., это приводило к прекращению подготовки паровых полей под озимые, что в условиях войны грозило серьёзным сокращением продовольственных ресурсов⁴⁷.

Власти были вынуждены реагировать на эту угрозу. Совет Министров, стремясь предотвратить срыв сельскохозяйственного цикла, издал распоряжение, гарантировавшее колонистам право уборки урожая даже после формального перехода земли в ведение Крестьянского поземельного банка. Эта вынужденная мера вступила в противоречие с первоначальной жёсткой логикой репрессивного курса, уступив необходимости сохранения элементарной хозяйственной целесообразности. Местная администрация получила указания широко оповестить колонистов об этих гарантиях, чтобы стимулировать продолжение полевых работ.

В ответ на уведомления об изъятии земельных участков колонисты активно подавали прошения, пытаясь оспорить решения властей. В своих жалобах они использовали сложные юридические аргументы, стремясь доказать законность своих прав и свою лояльность государству. Например, в деле о колонистах селения Овцыно они ссылались на принятие российского подданства предками ещё в 1766 г. и на то, что сами родились в России от русских подданных, не имея связи с враждебными государствами⁴⁸. В других случаях, как видно из дел по Павловску, колонисты апеллировали к историческим актам о пожаловании земли по «Высочайшей воле» (1818–1819 гг.), представляли доказательства перехода в подданство в 1838 г. и использовали тонкости законодательства, например, указывая на наследование прав по женской линии⁴⁹.

Наиболее весомым моральным аргументом становились свидетельства о службе и жертвах на фронте. В одном из прошений колонисты подчёркивали: «Не можем пройти молчанием тех фактов, что в Японскую войну из нашей колонии участвовало в ней, для защиты нашей родины России семь человек, из которых один был удостоен ордена Св. Георгия, а в настоящую войну призвано запасных нижних чинов, ратников ополчения и новобранцев 33 человека, из которых 6 ранено, а двое сложили свои головы за матушку Россию»⁵⁰. Эта грамотная правовая позиция, сочетавшая юридические доводы с демонстрацией лояльности, в ряде случаев заставляла гу-

бернское правление пересматривать свои решения, показывая уязвимость бюрократической системы перед корректно выстроенным сопротивлением.

Таким образом, в сельском хозяйстве губернии ликвидационная политика быстро столкнулась с непреодолимым барьером, а именно, с угрозой голода и экономического коллапса. Государственный аппарат был вынужден вносить коррективы и идти на уступки, что ослабляло репрессивный напор и превращало процесс изъятия земель в затяжную и неэффективную бюрократическую процедуру. Ключевым итогом стало понимание того, что тотальная экономическая война с «внутренним врагом» невозможна без ущерба для базовых потребностей самой страны.

Политика ликвидации и надзора поставила под удар целые категории жителей Петроградской губернии, вынуждая их искать пути сохранения своего имущества, статуса и средств к существованию. Реакция оказалась не пассивной, а активной и изобретательной, формируя тем самым обратную связь на репрессивные действия власти.

Предпринимательские круги, в особенности средние и крупные, избрали стратегию формального соответствия и экономической полезности. Как показывает пример завода «Карл Винклер», она включала в себя два ключевых элемента: оперативную «русификацию» управленческого состава и однозначную демонстрацию своей необходимости для военных нужд. Предприятия массово очищали списки акционеров и служащих от «неприятельских подданных», отчитываясь об этом перед казённой палатой⁵¹. Однако, реальное перераспределение собственности часто было частичным, а иностранный капитал сохранялся под новой вывеской. Решающим обстоятельством становилось выполнение военных заказов.

Характерным примером является фортепианная фабрика Карла Шрёдера. Уже в конце 1914 – начале 1915 г. руководство предприятия вело активные переговоры с различными ведомствами о возможности привлечения к выполнению оборонных заказов. В результате фабрика получила заказ на изготовление комплектующих для ручных гранат⁵². Несмотря на то, что Шрёдеры еще с середины XIX в. пребывали в российском подданстве⁵³ – инициатива «перехода на военные рельсы» позволила предприятию сохранить позиции на фоне ликвидационных мероприятий.

При этом патриотически настроенные слои российского общества активно формировали гражданские институты для контроля проведения ликвидационной политики. Характерным свидетельством подобных настроений является телеграмма, поступившая 9 апреля 1915 г. министру торговли и промышленности от Общества экономического возрождения России. В обращении подчёркивалось

несоответствие между декларируемым курсом на «раскрепощение русской торговли и промышленности от немецкого засилья» и фактической практикой сохранения влияния неприятельского капитала посредством передачи предприятий подставным лицам – российским подданным⁵⁴.

В качестве наглядного примера приводилась деятельность Юлия Германа Циммермана, ранее фактически монополизировавшего поставки музыкальных инструментов для армии и флота. По утверждению авторов телеграммы, во избежание ликвидации предприятия он передал фирму своему зятю – российскому подданному Лембергу, при этом сознательно сохранив прежнюю коммерческую идентичность, подчёркнутую использованием формулы «бывшая фирма Юлия Германа Циммермана» в рекламных материалах. Аналогичным образом характеризовалась деятельность австрийского подданного Мандля, который, ограничившись сменой наименования фирмы, продолжал выступать крупным поставщиком интендантского ведомства. Особое возмущение вызывали случаи упрощённого перехода неприятельских предпринимателей в российское подданство и использования ими двойного гражданства, что, по мнению авторов обращения, позволяло и далее выводить капиталы за границу и сохранять контроль над целыми отраслями промышленности⁵⁵.

Среди других фирм, переживших государственное давление, можно выделить старейшее шрифтолитейное предприятие столицы, принадлежащее промышленной династии петербургских немцев Леман и берущее свое начало еще с середины XIX в.⁵⁶ – словолитня Леман О.И.⁵⁷; словолитню «Ланге А. и Эрленбах Э.»⁵⁸, предприятие, некогда принадлежавшее «Торговому дому братьев Эрленбах», – Эмилю и Сигизмунду. В начале XX в. после конфликта между братьями часть шрифтолитейного инвентаря была продана фирме Лемана⁵⁹, но уже в 1907 г. Эмиль Эрленбах учреждает словолитню совместно с русским подданным Ланге, которая просуществовала в Петрограде при участии владельцев в управлении вплоть до 1918 г.⁶⁰ Одно из крупнейших издательских объединений России, принадлежавшее уроженцу г. Штеттин, Адольфу Федоровичу Марксу⁶¹, также просуществовало до 1918 г.⁶²

Власть, столкнувшись с дилеммой между идеологическим требованием «очищения» и практической потребностью в продукции, фактически делала выбор в пользу последнего, терпимо относясь к формальным несоответствиям. Для небольших же предприятий, как булочная Т.Г. Альбрандта, ресурсов для такой адаптации не было, и они становились прямыми жертвами, разоряясь под грузом надзора и экономических трудностей⁶³.

Таким образом, из сотен этнически немецких предприятий Петербурга-Петрограда, включавших мелкотоварные ремесленные

производства, средние и крупные предприятия, великое множество прекратили свое существование.

Водочный завод «Бекман и Ко», существовавший с 1876 г.⁶⁴, в 1914 г., на фоне ликвидационных мероприятий, попал под пристальное внимание властей, отчитываясь об отсутствии иностранного влияния. И хотя состав правления состоял преимущественно из этнических немцев, немецких подданных среди них было ничтожное количество. Однако, даже это обстоятельство не способствовало продолжению деятельности предприятия и в 1916 г. в компании был полностью изменен состав правления⁶⁵. В 1918 г. организацию деятельности завода осуществляло правление совместно с заводским комитетом⁶⁶.

Аналогичным образом к 1918 г. исчезла суконная мануфактура Ауха Т. Л.⁶⁷, хромолитография Бранта, корсетная мастерская Бурхарда⁶⁸, желатиновый завод Крейтца А.Ф., машиностроительный завод «Лесснер Г. А.»⁶⁹, паровая прачечная Лисснера⁷⁰, предприятие по обработке шерсти Рейса⁷¹, механический завод Шауба Г. В., типография Шварца Р.⁷² и многие другие.

Проведенное исследование реализации ликвидационного законодательства 1915–1917 гг. в Петроградской губернии позволяет сделать ряд выводов, существенно уточняющих понимание внутренней политики Российской империи в период Первой мировой войны.

Анализ правовых основ «борьбы с немецким засильем» выявил его изначальную внутреннюю противоречивость. Законодательство, создававшееся как инструмент быстрой и жесткой репрессивной политики, с момента своего появления столкнулось с невозможностью игнорировать экономические реалии. Его последующая эволюция, отраженная в поправках 1916 г. представляет собой историю вынужденных компромиссов, когда государство было вынуждено латать пробелы в собственных законах, чтобы предотвратить хозяйственный коллапс.

Институциональный механизм реализации этих законов на губернском уровне, при внешней слаженности и исполнительской дисциплине, оказался полем постоянного напряжения. Взаимодействие военных, гражданских и фискальных органов было отмечено конфликтами компетенций и ведомственными разногласиями. Местная администрация, будучи передаточным звеном, одновременно становилась фильтром, вынужденным на практике разрешать неразрешимую дилемму между репрессивной директивой и необходимостью поддерживать жизнеспособность вверенной территории. Это приводило к произволу на местах, но также и к отступлениям от общего курса под давлением обстоятельств.

Также следует отметить, что непосредственные экономические и социальные последствия политики в Петроградской губернии оказались далеки от идеологических целей «очищения». В промышленности она спровоцировала волну формальной «русификации», за которой часто скрывалось сохранение прежних экономических связей и капиталов. В сельском хозяйстве меры по изъятию земель немедленно поставили под угрозу продовольственную безопасность, заставив государство пойти на уступки. Наиболее значимым итогом стало формирование разнообразных и зачастую эффективных стратегий адаптации со стороны затронутых групп населения – от юридически грамотного отстаивания своих прав колонистами до демонстрации хозяйственной полезности крупными предпринимателями. Небольшие предприятия, лишённые таких ресурсов, становились основной жертвой этой политики.

Таким образом, реализация ликвидационного законодательства в Петроградской губернии показала, что внутренние репрессии в условиях войны не усиливают государство, а наносят ему вред. Попытка силового устранения мнимого «внутреннего врага» привела к усугублению экономических трудностей, нарушению управления и ослаблению законности. На примере губернии видно, как репрессивная политика, вызванная шпиономанией и неприязнью к иностранцам, столкнулась с практическими потребностями хозяйства.

Примечания Notes

(Endnotes)

1. *Линдемманн К.Э.* Законы 2-го и 13-го февраля (об ограничении немецкого землевладения в России) и их влияние на экономическое состояние Юга России. М., 1916. 233 с.
2. *Дякин В.С.* Первая мировая война и мероприятия по ликвидации так называемого немецкого засилья // Первая мировая война: 1914–1918. М., 1968. С. 227-238
3. *Флоринский М.Ф.* Кризис государственного управления в России в годы первой мировой войны (Совет министров в 1914–1917 гг.). Л., 1988. 207 с.
4. *Соболев И.Г.* Борьба с «немецким засильем» в годы Первой мировой войны: автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1998. 18 с.
5. *Шубина А.Н.* Отношение власти и общества к проблеме так называемого немецкого засилья в России в годы Первой мировой войны: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2012. 27 с.
6. *Нелипович С.Г.* Немцы на российской военной службе: исторический и историографический феномен // Немцы России в контексте от-

ечественной истории: общие проблемы и региональные особенности. М., 1999. С. 238-248.; *Нелипович С.Г.* Проблема нелояльности российских немцев в конфликтах XX в.: историография вопроса и круг источников // Немцы России и СССР. 1901–1941 гг. Материалы международной научной конференции. М., 2000. С. 365-380.

7. *Ерохина О.В.* Действие «ликвидационных» законов в немецких поселениях Области Войска Донского в 1915–1916 гг. // Рос. государство, общество и этнические немцы: основные этапы и характер взаимоотношений (XVIII–XXI вв.). М., 2007. С. 212-221.

8. *Плохотнюк Т.Н.* Действие «ликвидационных» законов на Северном Кавказе в 1915–1917 гг. // Немцы России в контексте отечественной истории: общие проблемы и региональные особенности. М., 1999. С. 223-237.

9. *Кижяева Т.А.* Дискриминация немцев России в годы Первой мировой войны (на примере Алтайского округа) // Ключевые проблемы истории рос. немцев. М., 2004. С. 304-317.

10. *Шайдуров В.Н.* Немцы в городской экономике Петрограда на переломе эпох (1914–1923 гг.) // Индустриальное развитие России: этапы, особенности, перспективы изучения: Сборник научных трудов Всероссийской научной конференции, Новосибирск, 25–27 июня 2024 года. Новосибирск, 2024. С. 152-157.

11. *Ерохина, О. В., Шайдуров В. Н.* Первая мировая война и кризис идентичности российских немцев // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России.* 2024. Т. 23, № 1. С. 19-29.

12. *Захаров В.Ю., Ерохина О.В.* «Строгое наблюдение или выселение?»: к вопросу о положении немцев в Петроградской губернии в 1914–1916 гг. // *Народы и религии Евразии.* 2025. №30 (3). С. 85-102.

13. *Поткина И.В.* В преддверии катастрофы: государство и экономика России в 1914-1917 годах. СПб., 2022. 379 с.

14. *Кириллов В.М.* Современная отечественная историография кампании «Борьбы с немецким засильем» в годы Первой мировой войны // *Вестник Пермского университета. Серия: История.* 2015. №2 (29). С. 93-94.

15. Список фабрично-заводских заведений г. Санкт-Петербурга. СПб., 1914 г.

16. Список фабрично-заводских предприятий Петрограда. По данным на апрель 1918 г. Пг., 1918.

17. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 253. Оп. 10. Д. 591. Л. 1, 3, 11, 12, 13-13 об.

18. РГИА. Ф. 253. Оп. 10. Д. 460. Л. 1, 3, 5.

19. О правилах, коими Россия будет руководствоваться во время войны 1914 года: Именной Высочайший Указ Правительствующему Сенату от 28 июля 1914 г. // *Известия Министерства иностранных дел.* Пг., 1915. С. 71-72.

20. Поткина И.В. В преддверии катастрофы: государство и экономика России в 1914-1917 годах. СПб., 2022. С. 198.

21. О выборке подданными воюющих с Россией государств про-

мысловых на 1915 год свидетельств: Высочайше утвержденное Положение Совета Министров 11 января 1915 г. // *Известия Министерства иностранных дел*. Пг., 1915. С. 34-35.

22. *Линдеманн К.Э.* Законы 2-го февраля и 13-го декабря 1915 г. М., 1916. С. 7, 8.

23. Решение Совета Министров об ограничении землевладения и землепользования неприятельских подданных, утвержденное Николаем II // СУРП. 1915. № 39. С. 559-564

24. Решение Совета Министров о прекращении землевладения и землепользования Российских немцев в приграничных местностях, утвержденное Николаем II // СУРП. 1915. № 39. С. 566-568

25. *Линдеманн К.Э.* Законы 2-го февраля и 13-го декабря 1915 г. М., 1916. С. 29-31.

26. РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 1165. Л. 1-6.

27. Собрание узаконений и распоряжений Правительства, издаваемое при Правительствующем Сенате. 1915. Отд. 1. Ст. 1109.

28. РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 1165. Л. 1-6.; РГИА. Ф. 32. Оп. 1. Д. 258. Л. 7-11.

29. РГИА Ф. 23 Оп. 11 Д. 1290 Л. 10

30. РГИА Ф. 23 Оп. 11 Д. 1290. Л. 8

31. РГИА. Ф. 391. Оп. 6. Д. 283. Л. 98-99 об.

32. РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 1165. Л. 3-6.

33. Собрание узаконений и распоряжений Правительства, издаваемое при Правительствующем Сенате. 1916. Отд. 1. Ст. 2382.

34. *Поткина И.В.* В преддверии катастрофы: государство и экономика России в 1914-1917 годах. СПб., 2022. С. 346.

35. РГИА. Ф. 253. Оп. 5. Д. 591. Л. 15-16, 18-20.

36. Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб). Ф. 254. Оп. 1. Д. 537. Л. 13-13 об.

37. ЦГИА СПб. Ф. 479. Оп. 22. Д. 4439. Л. 1.

38. ЦГИА СПб. Ф. 479. Оп. 22. Д. 4440.

39. РГИА. Ф. 32. Оп. 1. Д. 258. Л. 17, 20-23 об.

40. ЦГИА СПб. Ф. 1205. Оп. 7. Д. 933. Л. 1.

41. РГИА. Ф. 391. Оп. 6. Д. 283. Л. 98-99 об.

42. РГИА. Ф. 23. Оп. 28. Д. 390. Л. 6-6 об.

43. РГИА. Ф. 23. Оп. 28. Д. 390. Л. 5.

44. РГИА. Ф. 23. Оп. 28. Д. 390. Л. 36 об.

45. ЦГИА СПб. Ф. 479. Оп. 22. Д. 4439, 4440.

46. РГИА. Ф. 23. Оп. 28. Д. 2662. Л. 44.

47. РГИА. Ф. 391. Оп. 6. Д. 283. Л. 99 об.

48. ЦГИА СПб. Ф. 254. Оп. 1. Д. 537. Л. 1 об.-3.

49. ЦГИА СПб. Ф. 254. Оп. 1. Д. 540. Л. 5 об.

50. ЦГИА СПб. Ф. 254. Оп. 1. Д. 537. Л. 2.

51. РГИА. Ф. 23. Оп. 28. Д. 390. Л. 6-10.

52. *Шайдунов В.Н.* Немцы в городской экономике Петрограда на переломе эпох (1914-1923 гг.) // *Индустриальное развитие России: этапы, особенности, перспективы изучения: Сборник научных трудов Всерос-*

сийской научной конференции, Новосибирск, 25–27 июня 2024 года. Новосибирск, 2024. С. 154.

53. *Шайдуров В.Н.* Немцы в городской экономике Петрограда на переломе эпох (1914–1923 гг.) // Индустриальное развитие России: этапы, особенности, перспективы изучения: Сборник научных трудов Всероссийской научной конференции, Новосибирск, 25–27 июня 2024 года. Новосибирск, 2024. С. 154.

54. РГИА. Ф. 23. Оп. 18. Д. 88. Л. 13.

55. РГИА. Ф. 23. Оп. 18. Д. 88. Л. 13.

56. *Соболева Е.С.* Иосиф Иосифович Леман – попечитель Академического музея антропологии и этнографии // Немцы в Санкт-Петербурге (XVIII–XX века): биографический аспект: материалы пост. действующей конф. «Немцы в Санкт-Петербурге: биографический аспект». СПб., 2013. Вып. 7. С. 169.

57. Список фабрично-заводских предприятий Петрограда. По данным на апрель 1918 г. Пг., 1918. С. 12.

58. Список фабрично-заводских предприятий Петрограда. По данным на апрель 1918 г. Пг., 1918. С. 12.

59. *Генслер М.С.* Особенности межэтнического разделения труда в сфере графического искусства в Санкт-Петербурге второй половины XIX - начала XX века // Немцы России: история, этнография, культура и язык. Барнаул, 2025. С. 189.

60. Список фабрично-заводских предприятий Петрограда. По данным на апрель 1918 г. Пг., 1918. С. 12.

61. *Генслер М.С.* Особенности межэтнического разделения труда в сфере графического искусства в Санкт-Петербурге второй половины XIX - начала XX века // Немцы России: история, этнография, культура и язык. Барнаул, 2025. С. 188.

62. Список фабрично-заводских предприятий Петрограда. По данным на апрель 1918 г. Пг., 1918. С. 12.

63. РГИА. Ф. 23. Оп. 28. Д. 2662. Л. 44.

64. Список фабрично-заводских предприятий Петрограда. По данным на апрель 1918 г. Пг., 1918. С. 41.

65. РГИА. Ф. 23 Оп. 28 д. 173. Л. 52.

66. Список фабрично-заводских предприятий Петрограда. По данным на апрель 1918 г. Пг., 1918. С. 41.

67. Список фабрично-заводских заведений г. Санкт-Петербурга. СПб., 1914 г. С. 25.

68. Список фабрично-заводских заведений г. Санкт-Петербурга. СПб., 1914 г. С. 26.

69. Список фабрично-заводских заведений г. Санкт-Петербурга. СПб., 1914 г. С. 30.

70. Список фабрично-заводских заведений г. Санкт-Петербурга. СПб., 1914 г. С. 31.

71. Список фабрично-заводских заведений г. Санкт-Петербурга. СПб., 1914 г. С. 33.

72. Список фабрично-заводских заведений г. Санкт-Петербурга. СПб., 1914 г. С. 37.

Авторы, аннотация, ключевые слова

Кайряк Анна Алексеевна – Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина, лаборант Научно-образовательного центра исторических исследований и анализа

ORCID ID: 0009-0001-2197-1565

anna_solveig@mail.ru

Генслер Михаил Станиславович – Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина, лаборант Научно-образовательного центра исторических исследований и анализа

ORCID ID: 0009-0006-1706-3149

gensler.hist@mail.ru

Целью исследования является анализ практики применения ликвидационного законодательства 1915–1917 гг. на примере Петроградской губернии, выявление механизмов взаимодействия властей, экономических последствий и стратегий адаптации населения. В статье на основании ранее не введённых в научный оборот архивных документов Российского государственного исторического архива и Центрального государственного исторического архива Санкт-Петербурга рассматривается практика реализации ликвидационного законодательства 1915–1917 гг. в Петроградской губернии – столичном регионе Российской империи, где концентрировались административные, военные и хозяйственные ресурсы государства.

Впервые в отечественной историографии показано, как региональная специфика Петроградской губернии – совмещение функций политического центра, промышленного узла и зоны повышенного военного контроля – определяла особый механизм применения ликвидационных законов, выразившийся во взаимодействии центральных и местных властей, ведомственных конфликтах, а также в сочетании репрессивных мер с вынужденными отступлениями под давлением экономической необходимости; особое внимание уделяется роли губернской администрации, казённой палаты и органов надзора.

Авторы приходят к выводу, что в условиях Петроградской губернии ликвидационная политика приобрела наиболее противоречивые формы: при внешней интенсивности и институциональной организованности она привела к деформации региональной экономики, кризису в сельском хозяйстве и селективному разорению предприятий, одновременно стимулировав формирование специфических стратегий адаптации со стороны предпринимателей и колонистов, что позволяет рассматривать губернию как показательную модель противоречивых внутренних трансформаций военного времени.

Первая мировая война, Российская империя, Петроградская губерния, ликвидационное законодательство, немецкое засилье, экономическая история, правовое регулирование, репрессивная политика.

Authors, Abstract, Key words

Anna Alekseyevna Kairiak – Research assistant of the Scientific and Educational Center for Historical Research and Analysis, Pushkin Leningrad State University, St. Petersburg, Russia. SPIN-code: 1737-0132.

ORCID ID: 0009-0001-2197-1565

anna_solveig@mail.ru

Gensler Mikhail Stanislavovich – Research assistant of the Scientific and Educational Center for Historical Research and Analysis, Pushkin Leningrad State University, St. Petersburg, Russia. SPIN-code: 1168-3723

ORCID ID: 0009-0006-1706-3149

gensler.hist@mail.ru

The aim of this study is to analyze the practical implementation of liquidation legislation of 1915–1917 using the case of Petrograd Governorate, and to identify the mechanisms of interaction between authorities, the economic consequences of these measures, and the strategies of adaptation adopted by the affected population. On the basis of archival documents previously unused in scholarly research from the Russian State Historical Archive and the Central State Historical Archive of St. Petersburg, the article examines the enforcement of liquidation legislation in Petrograd Governorate—a metropolitan region of the Russian Empire where administrative, military, and economic resources were concentrated.

For the first time in Russian historiography, the study demonstrates how the regional specificity of Petrograd Governorate – combining the functions of a political center, an industrial hub, and a zone of heightened military control – shaped a distinctive mechanism for the application of liquidation laws, manifested in the interaction between central and local authorities, interdepartmental conflicts, and the coexistence of repressive measures with forced concessions under pressure of economic necessity; particular attention is paid to the role of the gubernial administration, the treasury chamber, and supervisory bodies.

The authors conclude that under the conditions of Petrograd Governorate liquidation policy assumed its most contradictory forms: despite its apparent intensity and institutional coherence, it resulted in the deformation of the regional economy, a crisis in agriculture, and the selective ruin of enterprises, while simultaneously stimulating the development of specific adaptive strategies among entrepreneurs and colonists. This allows the governorate to be regarded as a representative model of the contradictory internal transformations of wartime Russia.

First World War, Russian Empire, Petrograd Governorate, liquidation legislation, German dominance, economic history, legal regulation, repressive policy.

References

(Articles from Scientific Journals)

1. *Dyakin V.S.* Pervaya mirovaya voina i meropriyatiya po likvidatsii tak nazyvaemogo nemetskogo zasiliya [The First World War and Measures to Eliminate the So-Called German Domination]. *Pervaya mirovaya voina: 1914–1918. Moscow, 1968, pp. 227-238.* (In Russian).

2. *Nelipovich S.G.* Nemtsy na rossiiskoi voennoi sluzhbe: istoricheskii i istoriograficheskii fenomen [Germans in Russian Military Service: A Historical and Historiographical Phenomenon]. *Nemtsy Rossii v kontekste otechestvennoi istorii: obshchie problemy i regional'nye osobennosti. Moscow, 1999, pp. 238-248.* (In Russian).

3. *Nelipovich S.G.* Problema neloyal'nosti rossiiskikh nemtsev v konfliktakh XX v.: istoriografiya voprosa i krug istochnikov [The Problem of Disloyalty of Russian Germans in the Conflicts of the 20th Century: Historiography and the Range of Sources]. *Nemtsy Rossii i SSSR. 1901–1941 gg. Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii. Moscow, 2000, pp. 365-380.* (In Russian).

4. *Yerokhina O.V.* Deistvie «likvidatsionnykh» zakonov v nemetskikh poseleniyakh Oblasti Voiska Donskogo v 1915–1916 gg. [The Implementation of “Liquidation” Laws in German Settlements of the Don Cossack Host Region in 1915–1916]. *Ros. gosudarstvo, obshchestvo i etnicheskie nemtsy: osnovnye etapy i kharakter vzaimootnoshenii (XVIII–XXI vv.). Moscow, 2007, pp. 212-221.* (In Russian).

5. *Plokhomyuk T.N.* Deistvie «likvidatsionnykh» zakonov na Severnom Kavkaze v 1915–1917 gg. [The Implementation of “Liquidation” Laws in the North Caucasus in 1915–1917]. *Nemtsy Rossii v kontekste otechestvennoi istorii: obshchie problemy i regional'nye osobennosti. Moscow, 1999, pp. 223-237.* (In Russian).

6. *Kizhayeva T.A.* Diskriminatsiya nemtsev Rossii v gody Pervoi mirovoi voiny (na primere Altaiskogo okruga) [Discrimination Against the Germans of Russia During the First World War (The Case of the Altai Okrug)]. *Klyuchevye problemy istorii ros. nemtsev. Moscow, 2004, pp. 304-317.* (In Russian).

7. *Shaydurov V.N.* Nemtsy v gorodskoi ekonomike Petrograda na pereleme epokh (1914–1923 gg.) [Germans in the Urban Economy of Petrograd at the Turn of the Epochs (1914–1923)]. *Industrial'noe razvitie Rossii: etapy, osobennosti, perspektivy izucheniya: Sbornik nauchnykh trudov Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii, Novosibirsk, 25–27 iyunya 2024 goda. Novosibirsk, 2024, pp. 152-157.* (In Russian).

8. *Yerokhina O.V., Shaydurov V.N.* Pervaya mirovaya voina i krizis identichnosti rossiiskikh nemtsev [The First World War and the Identity Crisis of Russian Germans]. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Istoriya Rossii. 2024, vol. 23, no. 1, pp. 19-29.* (In Russian).

9. *Zakharov V.Y., Yerokhina, O.V.* «Strogoe nablyudenie ili vyselenie?»: k voprosu o polozhenii nemtsev v Petrogradskoi gubernii v 1914–1916 gg. [“Strict Surveillance or Deportation?”: On the Situation of Germans in Petrograd Province in 1914–1916]. *Narody i religii Evrazii. 2025, no. 30 (3), pp. 85-102.* (In Russian).

10. Kirillov V.M. Sovremennaya otechestvennaya istoriografiya kampanii «Bor'by s nemetskim zasiliem» v gody Pervoi mirovoi voiny [Contemporary Russian Historiography of the “Struggle Against German Domination” Campaign During the First World War]. *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya: Istoriya*. 2015, no. 2 (29), pp. 93-94. (In Russian).

11. Soboleva E.S. Iosif Iosifovich Leman – popechitel' Akademicheskogo muzeya antropologii i etnografii [Iosif Iosifovich Leman – Trustee of the Academic Museum of Anthropology and Ethnography]. *Nemtsy v Sankt-Peterburge (XVIII–XX veka): biograficheskii aspekt: materialy post. deistvuyushchei konf. «Nemtsy v Sankt-Peterburge: biograficheskii aspekt»*. St. Petersburg, 2013, no. 7, p. 169. (In Russian).

12. Gensler M.S. Osobennosti mezhetnicheskogo razdeleniya truda v sfere graficheskogo iskusstva v Sankt-Peterburge vtoroi poloviny XIX - nachala XX veka [Features of Ethnic Division of Labor in the Sphere of Graphic Arts in St. Petersburg in the Second Half of the 19th – Early 20th Century]. *Nemtsy Rossii: istoriya, etnografiya, kul'tura i yazyk*. Barnaul, 2025, p. 189. (In Russian).

(Monographs)

13. Lindemann K.E. Zakony 2-go i 13-go fevralya (ob ogranichenii nemetskogo zemlevladieniya v Rossii) i ikh vliyanie na ekonomicheskoe sostoyanie Yuga Rossii. [The Laws of February 2 and 13 (on the restriction of German land ownership in Russia) and their impact on the economic condition of Southern Russia]. Moscow, 1916. 233 p. (In Russian).

14. Florinskij M.F. Krizis gosudarstvennogo upravleniya v Rossii v gody pervoi mirovoi voiny (Sovet ministrov v 1914–1917 gg.). [The Crisis of State Administration in Russia During the First World War (The Council of Ministers in 1914–1917)]. Leningrad, 1988. 207 p. (In Russian).

15. Potkina I.V. Preddverii katastrofy: gosudarstvo i ekonomika Rossii v 1914-1917 godakh. [On the Eve of the Catastrophe: The State and Economy of Russia in 1914-1917]. St. Petersburg, 2022. 379 p. (In Russian).